

Шестнадцать Е Сум и Се Сабуро больше не упоминали Янь Сана, как и Тени и Лин Цинъюй, они использовали белую повязку, чтобы завязать волосы.

Ноги Лин Цинъюя, лицо, которое было настолько худым, что они почти не могли их узнать, и момент бледного гнева и неприкрытой печали заставили их сознательно подавить печаль и гнев.

После того, как Янь Ци рассказал им весь процесс, они только сказали, что если они действительно хотят отомстить и занять место охранников своих домов, то они должны усиленно тренировать себя, не только боевые искусства, но и свой разум. Однажды они станут такими же, как Янь Сань.

Дин Дун пришел в особняк генерала во второй половине дня. Цянь вернулась и была им избита. Первоначально он хотел просто снять ее. Позже, узнав, что она познакомилась со всеми крупными лавочниками и хэйшуйскими чиновниками в семье Линг, Дин Дун решил действовать прямо. Вывезти ее в море и избавиться от нее за границей. Поначалу Дин Будун было немного невтерпеж, но потом я услышала, как Дин Дун сказал, что теперь она может говорить о тщеславии вот так. Если она вернется домой и расскажет людям о семье Линг, то не только Линг Цинъюй, но и вся семья Линг окажется в опасности. Дин Будун не стал много говорить, когда захотел понять его.

Лин Цинъюй на некоторое время потерял дар речи, услышав метод лечения Дин Дуна, но он также знал, что лечение Дин Дуна было жестоким, но самым правильным.

На этот раз Фэншэнь вернулся и привез оставшееся серебро и золото, а также корабль, полный драгоценных специй, хранившихся в деревне Линьцзя.

Учитывая текущую перестройку Иньюлоу и магазина специй, Линь Цинъюй попросил Дин Дуна доставить все товары Цай Цзинфангу и Чжэн Си, а серебро и золото перевезти в Хэйшуйгуань.

Ноги Линь Цинъюя выглядели следующим образом. Дин Дун и Фан Няньюань знали, что он боится, что поездка в Европу будет отложена. Фан Няньюань попросил его отправить серебро и золото на ****.

Фэншэнь отправился в Ханчжоу, чтобы разгрузить и погрузить товары из Ханчжоу.

Люди, оставленные Шэнь Чжанем в Великом Чжоу, собрали еще одну группу рабочих, и Линь Цинъюй попросил Фэншэня привести новые корабли, чтобы отвезти туда людей. В то же время он отпустил их и попросил набрать еще людей в деревню Линьцзя. Теперь не только сановники в деревне Линьцзя, Австралия хочет больше.

Я написал еще одно письмо Чжу Вэйли и Чжоу Тану, попросив деревню Линьцзя ускорить производство военных кораблей. Оказалось, что энергия Чжоу Тана и Хуан Цзина в основном направлена на литейное производство. С этого момента они должны мобилизовать рабочую силу, чтобы начать строительство кораблей. В Наньяне много хорошей древесины, теперь достаточно полезных ископаемых, и уже можно сосредоточить кораблестроение.

С согласия Ян Чжао, Фан Няньюань на этот раз забрал из своего первоначального лагеря остальные две тысячи человек. А Гуань Сяо попросил его пойти с ним, чтобы посмотреть, как обстоят дела с железными пушками в деревне Линьцзя. Получив одобрение от Линь Цинъюя и Ян Чжао, он поспешил обратно, чтобы отвезти людей на встречу в Цюаньчжоу.

После столь насыщенных двух дней Ян Чжао попросил Инь Тиньяня притвориться самим собой

и спокойно отправился на гору Вутай вместе с Линь Цинъюем.

Ян Чжао и Янь Ци много раз обсуждали свиту, и Алан наконец принял окончательное решение.

"Ты ушел тайком, и привел с собой столько людей, потому что хочешь, чтобы другие знали? Вы все так изранены, даже если с вами что-то пойдет не так, сможете ли вы быть полезными?" Алан смотрел на них и ненавидел железо и сталь. "Раз она хитрит, значит, она должна быть хитрой. Я думаю, вы можете взять с собой водителя машины. Я принесу вам достаточно лекарств. Вы знаете, как менять лекарства для нее?"

Эти охранники, Алан, который выглядел как солдат, не выбрал ни одного. В конце концов, Ин Тринадцатая была выбрана в качестве водителя. Ноги Ин Тринадцатого почти восстановились, и он может нормально ходить без костылей, и он самый ловкий.

По сравнению с Су Му, который так сильно бил по глазам, что больше не мог бить, Се Сабуро, вызвавшим медвежонка вместе с Лин Цинъю, как только встретил Алана, и шестнадцатью детьми, он все еще был самым безопасным.

Янь Ци также понимал в своем сердце причину, почему Алан так поступил. Он хотел, чтобы Ян Чжао и Лин Цинъю провели больше времени наедине, чтобы узлы, которые они наконец-то разрешили, полностью исчезли, поэтому они больше ничего не говорили, просто хотели, чтобы Е Ши. Следуйте далеко позади.

Гора Вутай находится недалеко от уезда Дай, но горная дорога крутая, и повозка движется не быстро.

Июнь - пик буддийских событий на горе Вутай. Хотя уже конец месяца, все еще много паломников приезжают и уезжают.

В этот раз Лин Цинъю ехал не в роскошной повозке, а в обычной, временно измененной, которая была очень незаметна среди паломников.

Как только он въехал в горную местность, он сразу же остыл. Ян Чжао укутал Линь Цинъю плащом, налил ей чашку горячего чая, а затем сел на кровать, обнял ее и стал вместе с ней смотреть на пейзаж за окном.

Линь Цинъю поднял голову, чтобы посмотреть на следы на шее, которые все еще не исчезли, и спросил: "Что **** ты им сказала?". Мужские взгляды на нее в последние два дня были очень неправильными, даже когда она оглядывалась назад. Взгляды начали отдаляться.

Ян Чжао слегка хихикнул, потирая подбородок о ее макушку, и с улыбкой сказал: "Я только что сказал, что в этом и заключается веселье нашего будуара".

Лицо Лин Цинъю внезапно побледнело, вспомнив, что Алан только что сверкнул на нее взглядом, и бессознательно вздохнула: "Все кончено, моя слава!".

Ян Чжао крепче обнял ее, склонил голову, чтобы поцеловать ее губы, и сказал в своем сердце, лучше сдаться и не приходить, чтобы схватить кого-то у меня.

Лин Цинъю лишь легонько поцеловала его и отпустила. Окно все еще было широко открыто.

Снаружи время от времени проходили паломники, раздвигая занавески, опираясь на руки,

державшие его тонкие пальцы, но несущие множество мозолистых рук.

Ветерок раздувал занавески, и бесконечный шум паломников на дороге тоже доносился. Вместе с длинными колокольчиками, доносившимися издалека, карета казалась мирной.

"Хозяин, боюсь, что впереди слишком много людей. Я слышал, что на склоне горы есть монастырь. Как насчет того, чтобы поехать сюда?" Карета остановилась, Ин Шисань открыла маленькое окошко впереди и спросила.

Линь Цинъюй открыл несколько занавесок и увидел, что помимо множества карет снаружи, многие пешеходы также спешат внутрь, поэтому он кивнул и сказал: "Хорошо".

Когда я вошел с подножия горы, людей было гораздо меньше. По обеим сторонам росли высокие деревья, горная дорога начинала подниматься вверх, и на ней цвели различные дикие цветы.

После более чем часовой прогулки на дороге между горами раздавался лишь стук копыт их конных повозок, а небо уже темнело. Хотя в лесу все еще было немного света, он также приносил некоторую прохладу.

Ин Тринадцатый слегка нахмурил брови, и через некоторое время стемнело. Эта повозка не была полностью оборудована, как его собственная. Было бы плохо, если бы вы отдыхали на улице.

Я колебался, стоит ли отступать, и увидел перед собой красную стену на склоне горы, видневшуюся сквозь густой лес.

Храм Лингпу невелик. В этой глубокой горе и далеко от места, где собирается большой храм Тайхуай, живет всего меньше десяти монахов. Поэтому, когда Ян Чжао достал четыре серебряных слитка и сто таэлей серебряных слитков, все монахи в храме внезапно Он улыбнулся и выделил им небольшой двор за храмом.

Этот маленький дворик находится далеко от храма. Он очень отдаленный и тихий. В нем не так много комнат, то есть три комнаты. Снаружи есть небольшая кухня.

К счастью, рядом протекает ручей, а недалеко находится заброшенный огород. Повесил много мочалок.

Ин Тринадцатая припарковала карету в храме, перенесла все внутрь, а затем начала уборку.

Рядом с красной стеной храма растет высокое дерево. Небольшой двор здесь окружен забором, примыкающим к красной стене. Земля лишь слегка выровнена. Ин Тринадцатый вынес из дома стул. Вытерев его, Ян Чжао накинул на него плащ и позволил Линь Циню сесть на него, а затем помог Ин Шисань работать.

Небо приближалось к сумеркам, а ветер на горе был прохладным, и ему было очень удобно дуть на него. Звук вечернего урока монаха, доносившийся из храма, звучал рядом со звуком деревянной рыбы, отчего сердце Линь Цинъюй внезапно успокоилось.

От храма Лингпу до плато на вершине горы не доехать ни на одной повозке, поэтому Ян Чжао нес Линь Цинъюй на спине, или нес Линь Цинъюй на спине, чтобы найти след в горах, или катал Линь Цинъюй на платформе, чтобы посмотреть на ветер и облака. Посмотреть на дикие цветы, распусившиеся на лугу, и понаблюдать за слабыми облаками, расстилающимися по мезе, а

затем окутывающими их туманом.

Спина Ян Чжао была широкой и теплой, и вездесущая нежность медленно согревала сердце Лин Цинъю, как облака и туманы, расстилающиеся над платформой.

Он помогает ей купаться, вытирает тело, моет ноги, одевает, расчесывает волосы, несет ее туда, куда она хочет, в горы, ручьи, густые леса, избегая людских потоков и играя в полевых цветах на земле. , посреди ночи спешит на вершину Донгтайтай, чтобы посмотреть на восход солнца.

Когда красное солнце вырвалось из глубины моря облаков, Лин Цинъю, лежавший на спине Ян Чжао, почувствовал, что его грудная клетка снова наполнилась, и казалось, что оттуда снова исходит жизненная сила.

"Цинъю... я войду в долю Янсана... люблю тебя..." слегка прошептал Ян Чжао, глядя в сторону лежащей на его плечах женщины, чье лицо было ослепительно освещено утренним солнцем.

Небо начало светлеть, и все больше людей поднималось на сцену, чтобы поклониться. Видя, что большинство из них добродушно улыбаются, это была небольшая шутка.

Лин Цинъю покраснела и попросила Ян Чжао спуститься с горы.

После стольких дней подъема, ее ноги могут стоять, а с поддержкой Ян Чжао она может сделать шаг или два, но Ян Чжао не позволит ей стоять или ходить больше. В конце концов, кости ее ног были изначальными. Если она сокрушается, то лучше больше подниматься.

Поэтому, хотя Лин Цинъю покраснел и хотел спуститься сам, Ян Чжао проигнорировал его и шаг за шагом спускался по ступенькам, как будто не видел улыбающихся лиц тех, кто находился рядом.

"Чжао", - Линь Цинъю, который просто отказался от застенчивого и нахального лежания на спине, склонил голову на плечо, провел рукой вокруг, посмотрел на дикие цветы на обочине дороги и сказал: "Если нам всем будет по семь и восемьдесят, ты все еще будешь носить меня так?".

"Ну, до конца жизни, пока у Чжао еще есть тон", - Ян Чжао поцеловал ее в щеку и сказал с улыбкой: "Не только в этой жизни, Чжао хочет носить тебя на руках всю жизнь, понятно?"

Его глаза были ясными, но в глубине глаз горели эмоции, похожие на пламя. Лин Цинъю уколола мягкость в глубине его сердца, заставив ее опустить глаза, прижаться к его шее и кивнуть: "Хорошо".

Голос Линь Цинъю был очень маленьким. Услышав его, Ян Чжао словно молнией ударило, уголки его рта дернулись вверх, и, увидев перед собой красную стену, он вошел внутрь, независимо от того, какой Бодхисаттва там был запечатлен.

Шестнадцать Е Сум и Се Сабуро больше не упоминали Янь Саня, как и Тени и Лин Цинъю, они повязали волосы белой повязкой.

Ноги Линь Цинъю, лицо, которое было настолько худым, что они почти не могли их узнать, и момент бледного гнева и неприкрытой печали заставили их сознательно подавить печаль и

гнев.

После того, как Янь Ци рассказал им весь процесс, они только сказали, что если они действительно хотят отомстить и занять место охранников своих домов, то они должны усиленно тренировать себя, не только боевые искусства, но и свой разум. Однажды они станут такими же, как Янь Сань.

Дин Дун пришел в особняк генерала во второй половине дня. Цянь вернулась и была им избита. Первоначально он хотел просто снять ее. Позже, узнав, что она познакомилась со всеми крупными лавочниками и хэйшуйскими чиновниками в семье Линг, Дин Дун решил действовать напрямик. Вывести ее в море и избавиться от нее за границей. Поначалу Дин Будун было немного невтерпеж, но потом я услышала, как Дин Дун сказал, что теперь она может говорить о тщеславии вот так. Если она вернется домой и расскажет людям о семье Линг, то не только Линг Цинъю, но и вся семья Линг окажется в опасности. Дин Будун не стал много говорить, когда захотел понять его.

Лин Цинъю на некоторое время потерял дар речи, услышав метод лечения Дин Дуна, но он также знал, что лечение Дин Дуна было жестоким, но самым правильным.

На этот раз Фэншэнь вернулся и привез оставшееся серебро и золото, а также корабль, полный драгоценных специй, хранившихся в деревне Линьцзя.

Учитывая текущую перестройку Инью и магазина специй, Линь Цинъю попросил Дин Дуна доставить все товары Цай Цзинфангу и Чжэн Си, а серебро и золото перевезти в Хэйшуйгуань.

Ноги Линь Цинъю выглядели следующим образом. Дин Дун и Фан Няньюань знали, что он боится, что поездка в Европу будет отложена. Фан Няньюань попросил его **** серебро и золото. Фэншэнь отправился в Ханчжоу, чтобы разгрузить и погрузить товары из Ханчжоу.

Люди, оставленные Шэнь Чжанем в Великом Чжоу, собрали еще одну группу рабочих, и Линь Цинъю попросил Фэншэня привести новые корабли, чтобы доставить туда людей. В то же время он отпустил их и попросил набрать еще людей в деревню Линьцзя. Теперь не только сановники в деревне Линьцзя, Австралия хочет больше.

Я написал еще одно письмо Чжу Вэйли и Чжоу Тану, попросив деревню Линьцзя ускорить производство военных кораблей. Оказалось, что энергия Чжоу Тана и Хуан Цина в основном направлена на литейное производство. С этого момента они должны мобилизовать рабочую силу, чтобы начать строительство кораблей. В Наньяне много хорошей древесины, теперь достаточно полезных ископаемых, и судостроение уже можно сосредоточить.

С согласия Ян Чжао, Фан Няньюань на этот раз забрал из своего первоначального лагеря остальные две тысячи человек. А Гуань Сяо попросил его пойти с ним, чтобы посмотреть, как обстоят дела с железными пушками в деревне Линьцзя. Получив одобрение от Линь Цинъю и Ян Чжао, он поспешил обратно, чтобы отвезти людей на встречу в Цюаньчжоу.

После столь насыщенных двух дней Ян Чжао попросил Инь Тиньяня притвориться самим собой и спокойно отправился на гору Вутай вместе с Линь Цинъюем.

Ян Чжао и Янь Ци много раз обсуждали свиту, и Алан наконец принял окончательное решение.

"Ты ушел тайком, и привел с собой столько людей, потому что хочешь, чтобы другие узнали?"

Вы все так изранены, даже если с вами что-то пойдет не так, сможете ли вы быть полезными?" Алан смотрел на них и ненавидел железо и сталь. "Раз она хитрит, значит, она должна быть хитрой. Я думаю, вы можете взять с собой водителя машины. Я принесу вам достаточно лекарств. Вы знаете, как менять лекарства для нее?"

Эти охранники, Алан, который выглядел как солдат, не выбрал ни одного. В конце концов, Ин Тринадцатая была выбрана в качестве водителя. Ноги Ин Тринадцатого почти восстановились, и он может нормально ходить без костылей, и он самый ловкий.

По сравнению с Су Му, который так сильно бил по глазам, что больше не мог бить, Се Сабуро, вызвавшим медвежонка вместе с Лин Цинъю, как только встретил Алана, и шестнадцатью детьми, он все еще был самым безопасным.

Янь Ци также понимал в своем сердце причину, почему Алан так поступил. Он хотел, чтобы Ян Чжао и Лин Цинъю провели больше времени наедине, чтобы узлы, которые они наконец-то разрешили, полностью исчезли, поэтому они больше ничего не говорили, просто хотели, чтобы Е Ши. Следуйте далеко позади.

Гора Вутай находится недалеко от уезда Дай, но горная дорога крутая, и повозка движется не быстро.

Июнь - пик буддийских событий на горе Вутай. Хотя уже конец месяца, все еще много паломников приезжают и уезжают.

В этот раз Лин Цинъю ехал не в роскошной повозке, а в обычной, временно измененной, которая была очень незаметна среди паломников.

Как только он въехал в горную местность, он сразу же остыл. Ян Чжао укутал Линь Цинъю плащом, налил ей чашку горячего чая, а затем сел на кровать, обнял ее и стал вместе с ней смотреть на пейзаж за окном.

Линь Цинъю поднял голову, чтобы посмотреть на следы на шее, которые все еще не исчезли, и спросил: "Что **** ты им сказала?". Мужские взгляды на нее были очень неправильными последние два дня, даже когда она оглядывалась назад. Взгляды начали отдаляться.

Ян Чжао слегка хихикнул, потирая подбородок о ее макушку, и с улыбкой сказал: "Я только что сказал, что в этом и заключается веселье нашего будуара".

Лицо Лин Цинъю внезапно побледнело, вспомнив, что Алан только что сверкнул на нее взглядом, и бессознательно вздохнула: "Все кончено, моя слава!".

Ян Чжао крепче обнял ее, склонил голову, чтобы поцеловать ее губы, и сказал в своем сердце, лучше сдаться и не приходить, чтобы схватить кого-то у меня.

Лин Цинъю лишь легонько поцеловала его и отпустила. Окно все еще было широко открыто.

Снаружи время от времени проходили паломники, раздвигая занавески, опираясь на руки, держащие его тонкие пальцы, но несущие множество мозолистых рук.

Ветерок раздувал занавески, и бесконечный шум паломников на дороге тоже доносился. Вместе с длинными колокольчиками, доносившимися издалека, карета казалась мирной.

"Хозяин, боюсь, что впереди слишком много людей. Я слышал, что на склоне горы есть

монастырь. Как насчет того, чтобы поехать сюда?" Карета остановилась, Ин Шисань открыла маленькое окошко впереди и спросила.

Линь Цинъюй открыл несколько занавесок и увидел, что помимо множества карет снаружи, многие пешеходы также спешат внутрь, поэтому он кивнул и сказал: "Хорошо".

Когда я вошел с подножия горы, людей было гораздо меньше. По обеим сторонам росли высокие деревья, горная дорога начинала подниматься вверх, и на ней цвели различные дикие цветы.

После более чем часовой прогулки на дороге между горами раздавался лишь стук копыт их конных повозок, а небо уже темнело. Хотя в лесу все еще было немного света, он также приносил некоторую прохладу.

Ин Тринадцатый слегка нахмурил брови, и через некоторое время стемнело. Эта повозка не была полностью оборудована, как его собственная. Было бы плохо, если бы вы отдыхали на улице.

Я колебался, стоит ли отступать, и увидел перед собой красную стену на склоне горы, видневшуюся сквозь густой лес.

Храм Лингпу невелик. В этой глубокой горе и далеко от места, где собирается большой храм Тайхуай, живет всего меньше десяти монахов. Поэтому, когда Ян Чжао достал четыре серебряных слитка и сто таэлей серебряных слитков, все монахи в храме внезапно Он улыбнулся и выделил им небольшой двор за храмом.

Этот маленький дворик находится далеко от храма. Он очень отдаленный и тихий. В нем не так много комнат, то есть три комнаты. Снаружи есть небольшая кухня.

К счастью, рядом протекает ручей, а недалеко находится заброшенный огород. Повесил много мочалок.

Ин Тринадцатая припарковала карету в храме, перенесла все внутрь, а затем начала уборку.

Рядом с красной стеной храма растет высокое дерево. Небольшой двор здесь окружен забором, примыкающим к красной стене. Земля лишь слегка выровнена. Ин Тринадцатый вынес из дома стул. Вытерев его, Ян Чжао накинул на него плащ и позволил Линь Цинъю сесте на него, а затем помог Ин Шисань работать.

Небо приближалось к сумеркам, а ветер на горе был прохладным, и ему было очень удобно дуть на него. Звук вечернего урока монаха, доносившийся из храма, звучал рядом со звуком деревянной рыбы, отчего сердце Линь Цинъю внезапно успокоилось.

От храма Лингпу до плато на вершине горы не доехать на конной повозке, поэтому Ян Чжао то нес Лин Цинъю на спине, то вез его на себе, чтобы найти след в горах, то катал Лин Цинъю на платформе, чтобы посмотреть на ветер и облака. Посмотреть на дикие цветы, распутившиеся на лугу, и понаблюдать за слабыми облаками, расстилающимися по мезе, а затем окутывающими их туманом.

Спина Ян Чжао была широкой и теплой, и вездесущая нежность медленно согревала сердце Лин Цинъю, как облака и туманы, расстилающиеся над платформой.

Он помогает ей купаться, вытирает тело, моет ноги, одевает, расчесывает волосы, несет ее

туда, куда она хочет, в горы, ручьи, густые леса, избегая людских потоков и играя в полевых цветах на земле. , посреди ночи спешит на вершину Донгтайтай, чтобы посмотреть на восход солнца.

Когда красное солнце вырвалось из глубины моря облаков, Линь Цинъюй, лежавший на спине Ян Чжао, почувствовал, что его грудная клетка снова наполнилась, и казалось, что оттуда снова исходит жизненная сила.

"Цинъюй... я войду в долю Янсана... люблю тебя..." слегка прошептал Ян Чжао, глядя в сторону лежащей на его плечах женщины, чье лицо было ослепительно освещено утренним солнцем.

Небо начало светлеть, и все больше людей поднималось на сцену, чтобы поклониться. Видя, что большинство из них добродушно улыбаются, это была небольшая шутка.

Лин Цинъюй покраснела и попросила Ян Чжао спуститься с горы.

После стольких дней подъема, ее ноги могут стоять, а с поддержкой Ян Чжао она может сделать шаг или два, но Ян Чжао не позволит ей стоять или ходить больше. В конце концов, кости ее ног были изначальными. Если она сокрушается, то лучше больше подниматься.

Поэтому, хотя Лин Цинъюй покраснел и хотел спуститься сам, Ян Чжао проигнорировал его и шаг за шагом спускался по ступенькам, как будто не видел улыбающихся лиц тех, кто находился рядом.

"Чжао", - Линь Цинъюй, который просто отказался от застенчивого и нахального лежания на спине, склонил голову на плечо, обвел рукой вокруг, посмотрел на дикие цветы на обочине дороги и сказал: "Если нам всем будет по семь и восемьдесят, ты все еще будешь носить меня так?".

"Ну, до конца жизни, пока у Чжао еще есть тон", - Ян Чжао поцеловал ее в щеку и сказал с улыбкой: "Не только в этой жизни, Чжао хочет носить тебя на руках всю жизнь, понятно?"

Его глаза были ясными, но в глубине глаз горели эмоции, похожие на пламя. Лин Цинъюй уколола мягкость в глубине его сердца, заставив ее опустить глаза, прижаться к его шее и кивнуть: "Хорошо".

Голос Линь Цинъюй был очень маленьким. Услышанное Ян Чжао было подобно удару молнии, уголки его рта дернулись вверх, и, увидев перед собой красную стену, он вошел внутрь, независимо от того, какой Бодхисаттва там был запечатлен.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2530762>